

О товарищах по искусству

Михаил РОМАНОВ,
народный артист СССР

Есть такое понятие, которое, к сожалению, в последние годы как-то исчезло из обихода нашей общественно-художественной жизни. — «властители дум».

Властители дум! И сразу же на память приходят имена Станиславского и Ермоловой, Качалова и Певцова, Вахтангова и Мейерхольда, имена писателей, актеров, музыкантов, чье творчество, чье имя, чья, наконец, личность воздействовали на целое поколение, воздействовали, если так можно выразиться, романтически, возвышая умы, заставляя чаще биться сердца. Это высокое правое духовного водительства запосвящалось не только мощью таланта, таланта, как такового. Это право завоевывалось прежде всего даром самораскрытия, воинствующим постоянством избранной теме, умением откликаться на звонкие вопросы, волнующие современников. Как бы аккмулируя в себе думы и чувства, отдавали искусству без остатка всю свою жизнь. И мы гордились не просто их искусством. Мы гордились **людьми искусства**.

Помню, как молодым актером вместе с Александринским театром, где тогда работал, я приехал на гастроли в Москву, как в свободное время бегал в МХАТ и как однажды после спектакля дождался Москвина и вместе с товарищами провожал его домой. Мы шли рядом с Москвиным! Для нас это было событием, событием, которое осталось в памяти на всю жизнь!.. Да что мы! Каждый, кто встречал на улице Остужева, Качалова, Станиславского, не просто глядел на знаменитого артиста, а любознательно красноречиво расспрашивал, как бы на мгновение приобщаясь к его духовному величию...

Так возникает разговор о людях искусства, об их творческом и человеческом облике.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
2 августа 1956 г. № 99

Думая над тем, какой урон нанесен нашему искусству культом личности, я не хочу еще раз вспоминать пустые и бесцветные книги, скучные, похожие один на другой спектакли, помпезные и льстивые кинокартинки. Бог с ними! Время уже сказало о них свое слово: они забыты, забыты быстро и навсегда. Я думаю о людях, о кадрах нашей художественной интеллигенции, которые прошли через большие трудности и стоят на пороге совершенно новых и истинно великих задач.

Период «расцвета» бесконфликтного искусства сместил наши представления, спутал критерии, породил множество неверных оценок. У нас, случалось, поднимали до небес посредственности в искусстве, а истинно самообытному выражали недоверие, вешали на него всевозможные ярлыки, старались привнести к некоему среднему знаменателю. И хотя даже в эти годы мы знали замечательные достижения, общий уровень нашего искусства — будем честны к себе — заметно понизился.

Произошло самое досадное! Многие из нас перестали отдавать себе отчет в том, как мы богаты талантами, как богат, в частности, талантами наш театр. Не просто одаренными и профессионально работающими людьми, а талантами первой величины, редкого свойства и блеска. А ведь у нас есть актеры, для которых наши драматурги должны были бы специально писать пьесы, а режиссеры — ставить спектакли. Есть актеры, которые могли бы открыть своим творчеством целую новую область искусства.

Вот Эраст Гарин. И всегда восхищался его талантом. Это актер мирового класса. Я в этом уверен. Да, ему всегда воевать должно как мастеру комедийного спектакля. Но

этим о Гарине сказано слишком мало. Художник, соединивший в своем почерке злую иронию и крупный лиризм, буффонаду и изощреннейшую точность психологического рисунка, художник, владеющий тайной мгновенных переключений от смешного к страшному, от пародийного к трагическому, этот художник, раскрывший он во всю широту своих возможностей, мог бы, на мой взгляд, стать нашим Чаплиным.

У нас в последнее время часто говорят и пишут о том, что крупные артисты мало играют, что они в «простое», что зритель редко видит такого-то или такую-то. Это верно. Но, право же, здесь в первую очередь должна беспокоить не количественная, так сказать, сторона дела (10 ролей вместо возможных 50), а **судьба таланта в целом**, следствия этого «простоя» для самой личности художника.

Знаменательно, что судьбу, аналогичную судьбе Гарина, делают как раз те артисты, которые обладают наибольшим своеобразием своего творческого облика. Бирман и Глизер, Раневская и Мартинсон — разве могли ужиться их колючие, зоркие, их беспощадные таланты с тишь и гладью драмодельческих пьес, разве не выламывались они всеми своими острыми гранями из узеньких рамок характеров-схем?

Конечно, мы видели этих первоклассных актеров и в заметных ролях, и в эпизодах, сыгранных, что называется, «концертно». Но где их вершинные достижения? Кто у нас на театре помог полному самораскрытию их талантов? Кто по-настоящему думал о судьбе этих замечательных художников?

В этой связи меня не может не волновать творческая судьба двух крупнейших артистов русского театра, гордости нашей сцены, — Алисы Коонен и Игоря Ильинского.

Ильинский, с его веселым и светлым даром, поистине был и остается любимцем народа. Да, остается, несмотря на то, что значительных фильмов и масштабных спектаклей с его участием нам не приходится видеть уже много лет. Но наш зритель верен своим привязанностям! Он помнит Ильинского. Попробуйте хотя бы понаблюдать на старую картину с его участием,

вроде «Праздника св. Иоргела» или «Процесса о трех миллионах», когда такая картина демонстрируется в Кинотеатре повторного фильма, — это не так-то просто!

Я вспоминаю, как гремело у нас в двадцатые—тридцатые годы имя Ильинского. И я еще и еще раз думаю о его глубоко народном, на редкость национальном комедийном таланте, о той радостной стихии смеха, хохота, душевного освежения и подъема, которую несет он своим искусством. Я думаю об Ильинском и как о непревзойденном мастере крупной сатирической формы, и я не могу не заметить с душевной болью, что все мы — и товарищи Ильинского по профессии и зрители (особенно наше молодое поколение!) — понесли огромный урон от того, что этот чудесный художник годами не работал в полную силу.

О судьбе Алисы Коонен — актрисы, перед которой я преклоняюсь с юных лет, — не так давно писала в журнале «Театр» В. П. Марецкая, писала с болью и тревогой. Но я хочу снова, хочу еще раз обратиться внимание на этот поистине горький для всех нас факт. Коонен находится вне театра... И поистине вспоминаю ее последние киноснимки гастроль, когда Коонен — Адриенна Лекуврер заставила подняться весь огромный зрительный зал Театра имени Франко, потрясенный ее романтическим и неповторимым даром... А теперь — мне рассказывали — игру Коонен можно видеть лишь изредка на вечерах в Доме актера, где актриса с мировым именем выступает перед небольшой аудиторией. Трагическая муза Коонен живет! Так неужели я не дождусь того дня, когда она вновь всплывет своими крыльями над затаившим дыханием залом?..

Вспоминаются и другие славные актерские имена. Как много трудных творческих судеб! Как велика безмолвная галерея несыгранных ролей! Бабанова. Андровская. Зеркалова. Бабочкин. Межинский. Жеймо. Почему они так мало играли? Почему дали пока несравнимо меньше того, что могли бы дать? Да просто потому, что роль, «глубины» которой без труда постигает любая свежеспеленная актриса, не требует Бабановой. Если сатира исчерпывается инсценированным фельетоном, конечно же, в

ней нечего делать Ильинскому. Когда на театре нет трагедии, когда усердные «теоретики» фарисейски доказывают невозможность у нас самого этого жанра, — Коонен не нужна!

Я думаю часто о том, сколько накопили за эти годы, годы малой творческой загруженности, люди нашего искусства. Сколько наблюдений, мыслей о жизни, сколько того душевного жара, который жаждешь отдать людям: иначе он остывает или пропадает напрасну...

В блестящем и холодном фильме «Убийство на улице Данте», как живая струна, прозвучала маленькая роль, созданная Максимом Штраухом. Может быть, с чисто профессиональной точки зрения, и другие актеры играют в этом фильме не хуже. Но у Штрауха, и только у него, прорвалась здесь **своя тема**, что-то очень личное, человечески глубокое, стали ощутимы второй, третий планы. Так почему же не поставить фильм специально для Штрауха? Сделайте это — и он не обманет ваших надежд!

Быть верным своему «я», быть верным своему таланту, своей заветной человеческой мечте — это же наш долг перед искусством, перед нашими великими предшественниками по искусству, это же наш долг перед настоящим и перед будущим! Отступая от этого, уговаривая себя порой «актуальностью» темы», мы только обманываем себя и оставляем равнодушными зрителей.

Как чудесно, что Николай Черкасов снимается ныне в «Дон Кихоте»! На мой взгляд, Черкасов всегда был мастером характеров неповторимых, особенных, даже парадоксальных, характеров, которые он умел поднимать до высот звучания общечеловеческого. Таковы его Полежаев, царевич Алексей, Паганель. Но между этими ролями и нынешней работой над Сервантесом — разрыв в двадцать лет, и за это время Черкасов мало что добавил к нашему представлению о нем. Нет, он не принадлежит к числу тех, кто работал меньше, чем бы хотел и мог. Но, играя многое, Черкасов не выражал себя. Играя героев мнимозначительных, лишенных по вине драматургов острой индивидуальной характеристики, Черкасов отошел от того, к чему был призван, в чем был сильнее всего.

Ну зачем было Черкасову играть, скажем, заглавную роль в ремесленной пьесе «Гражданин Франции»? Вероятно, он, как и многие из нас в таких случаях, оправдывал себя важностью заявленной драматургом темы. Но ведь, право же, конъюнктура, даже если служить ей с самыми чистосердечными намерениями, никому из нас еще не принесла настоящей радости в искусстве. Но она всегда вела свою разрушительную работу в наших душах... Хорошо, что Черкасов вернулся к **своему герою**.

Нужно иметь мужество, чтобы в ответ на предложение крупной роли ответить: «Нет, это не мое!». Актеру очень страшно прогадать, ему очень хочется играть. Но иногда верность своему творческому «я» должна удерживать его от соблазна. Вот Сергей Бондарчук в роли Отелло. Эта роль принесла ему немало похвал. Все это так. Но мне тем не менее кажется, что Бондарчук не испытал еще острой внутренней потребности играть Отелло, а просто принял лестное приглашение на «генеральскую» роль.

Слава стремительно пришла к Бондарчуку. Творчески он еще молод, в небольшом списке его работ рядом с великолепными достижениями есть горестные неудачи или полуудачи. Бондарчук очень много обещает. Я верю в его большую судьбу. Но он еще не самоопределился как художник, еще не всегда умеет нащупать свою тему. А Бондарчука торопят (как торопят у нас всех молодых), каждому режиссеру хочется видеть на титрах своего фильма имя Бондарчука. Поторопили Бондарчука и с Отелло... Случись это в театре, там можно было бы рассчитывать, что артист постепенно, от спектакля к спектаклю, так сказать, «естественным путем», пришел бы к высотам шекспировского образа. Иное дело в кино! Личность Бондарчука будет расти, а внутренние незавершенные образы останутся на экране. Обидно.

Когда я видел на экране Бондарчука — Отелло или, скажем, когда я смотрел на себя, Романова, в фильме «Главный проспект», я невольно думал о том, что мы здесь были **очень далеки от самих себя**. Мы честно делаем свое дело, но питимый мир нашей души остается закрытым.

А вместе с тем русское искусство всегда было славно, если выразиться попросту, именно своей душевностью. Мировой театр знает актеров-мыслителей, актеров гениального мастерства, но актеров — **позтов своей души** знает по преимуществу лишь театр русский. И стоит актеру метнуться в сторону, творческие поиски заменить заботами о пополнении послужного списка «ответственных» ролей, как голос его гложет, а роль, которой не дано ничего добавить в художественной биографии актера, незаметно, но неумолимо что-то отнимает у него.

Я верю, что никто из моих товарищей по искусству, о которых здесь идет речь, не посягнет, не обидится на меня за сказанное. Я меньше всего хотел кого бы то ни было учить. Но просто мне кажется важным вынести на обсуждение некоторые вопросы нашей внутренней творческой жизни. Настала пора возродить традицию живого общения между мастерами искусства. Настала пора говорить друг с другом честно и просто, говорить о гланном.

То, что я пишу, — не плоды наблюдений «со стороны». Об этом думают мои друзья, мои товарищи на Украине, где я живу и работаю. Об этом мы не раз толковали с Бучмой и Крушельницким. В том, что я пишу о других, почти все сказано и обо мне самом.

Около двадцати лет назад сыграл я в «Живом трупе». С тех пор Федор Протасов сделался частью моей души, частью моей жизни, он жил и менялся вместе со мной. Играть Протасова стало моим счастьем, ибо в этой роли я получил возможность говорить со сцены о том, что считал для себя самым значительным, самым сокровенным. Но много ли в моей жизни было таких ролей? Где мой царь Федор, мой Штокман, мой Яков Богомолов? Где образ современника, который потребовал бы от меня напряжения всех моих творческих и душевных сил? Уходят годы, наступает неизбежная «амортизация сердца и души»... А задачи, которые ставил перед собой художник, остаются во многом не решенными.

Пора наверстывать упущенное. И, право же, мы, актеры старшего поколения, еще кое-какие гонимся! Если я, к примеру, говорю, что хочу сыграть царя Федора, то, прошу верить, за этим стоит не просто желание получить еще одну

крупную роль, а нечто найитое, выстраданное, ищущее выхода. Мы должны более внимательно прислушиваться к творческим мечтаньям наших товарищей по искусству, а не говорить им — как еще порой говорят у нас в театрах — «делайте не это, а то».

Искусство существует для людей, и оно делается людьми. Пафос любви к человеку и борьбы за него в нашем советском искусстве должен быть особенно сильным и заражающим. Так давайте всегда помнить о том, что «задачи дня» в искусстве нельзя, ни при каких обстоятельствах нельзя отрывать от задач огромных, общечеловеческих! Давайте делать то, к чему призваны! И тогда народ, которому служит наше искусство, будет получать от него истинную радость и высокое удовлетворение.

Если мы обратимся к самым заметным достижениям актерского искусства последних лет, то приход к выводу, что все они завоеваны на пути утверждения ярких творческих индивидуальностей, что все они стали возможными лишь там, где перед нами — крупная актерская личность, где художник говорит с зрителями через себя и от себя. Такова у Пашенной ее Васса Железнова, могучее создание актрисы, знающей цену суровой правде жизни. Таков великий украинский артист Бучма, наполнивший потрясающим драматизмом образ Макара Дубравы. Таков Астангов в роли Маттиаса Клаузена, которого он поднимает до огромных философских высот. Таковы последние работы Толубеева. Таков Крушельницкий, казвивший своего Полудина со всей остротой и беспощадностью художника наших дней. Таков изумительный и тонкий художник Дмитрий Журавлев, читающий Пушкина, Чехова, Толстого, Твардовского; Журавлев с его лирическими откровениями о человеческой душе. Как я жалею, что не видел Смирнова и Ливанова в «Кремлевских курантах» — об этой их работе у нас в Киеве много говорят. Они, конечно, по праву входят в список удач.

Да, я радуюсь этим удачам. Но не могу не думать о том, что их в общем-то очень мало; по нашим масштабам, по нашим возможностям, по запросам народа очень мало, — что там и говорить!

Я решил написать эту статью потому, что янаю: вопрос о бедном использовании талантов, о неудачно сложившихся творческих судьбах волнует сейчас многих. По разговор на эту тему будет неполным, если в этой связи я не коснусь вопроса о нашей театральной молодежи. Думается, сейчас наступил момент, когда в искусство должны прийти новые силы. Но мы всегда говорим о молодежи как-то слишком общо, слишком прозякающе. Мы толкуем о продвижении молодежи, как таковой. Получается так, что мы деловито, но в общем по обязанности, растим себе лишь возрастную смену — не более того. А речь сейчас должна идти о чем-то несравнимо большем. Речь должна идти о воспитании **новых крупных индивидуальностей**, о тех, кому будет по силам сказать в искусстве свое властное слово. Да, нам нужны новые прославленные имена, новые таланты первой величины, новые звезды. Хватит нам однодневных героинь — героинь па один спектакль, на один фильм. Сколько я перевидал их за последнее время на экране (что ни фильм, то новая молодая актриса!), и все они как бы приплюсовывались друг к другу и слились в один невнятный образ. Что это: простое отсутствие дарований? Нет, это результаты неверных принципов отбора на роль, это следствие снижения художественных требований.

Мы, как мне думается, потеряли в искусстве ощущение праздника, ощущение красоты. Все стало у нас на театре, у нас в кино **слишком обыденным**. Мы как-то перестали думать о том, что очень скоро наступит такое время, когда наша молодежь товарищи по искусству должны и обязаны будут стать вровень с Шуккиным, Хмелевым и Бучмой, вровень с Коонен и Улановой. Им придется очень трудно. И не только потому, что вершинные достижения в искусстве всегда требуют подвигов. Но и потому, что им предстоит изживать и до конца изжить наши прошлые общие ошибки.

Они придут, эти новые властители дум! Придут вместе с подъемом всего нашего искусства, с подъемом, который неминуем. Мастера старших поколений и молодежь встретят его рука об руку.